

СОЗИДАНИЕ И РЕАЛИИ ВЕЩИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрено формирование в истории человечества отношения человека как субъекта к вещам. Рассматриваются различные версии этих отношений на различных этапах существования человечества: архаическое сознание, христианская антропология, постмодернизм. Мифологическое, христианское, научное и постмодернистское сознание интересует с точки зрения реакции человека на вещь и отношения к ней. Христианско-антропологическая традиция представлена на примере некоторых произведений Н.В. Гоголя. В статье отмечается тот факт, что взаимодействие человека с материальными ценностями, которые он сам и создал, существенно отягощают бытие человека. Существование человека сводится, в конце концов, к постоянной борьбе двух начал: духовного и материального или вечного и преходящего, сиюминутного. Таким образом, вещь может существовать в жизни человека в двух версиях или как объект, что признано нормой, или же, к сожалению, может проявлять себя как субъект, что есть ужасным.

Ключевые слова: вещь, материальный мир, христианская антропология, беспристрастие, творчество, спасение, постмодернизм, минимализм.

В современных условиях актуальным становится вопрос об отношении человека к вещам, то есть материальным ценностям, которые сам человек и создал. С развитием культуры эта проблема приобретает все новые и новые оттенки, так как возникает вопрос не просто о владении или собственности, а скорее об отношении к тому, чем сегодня можно владеть и насколько. Да, чем больше человечество существует, тем больше оно производит, а сам человек постепенно обесценивается – такими были прогнозы классиков. Насколько возможно или каким должно быть отношение человека к вещи в современных условиях? Как наладить или выстроить правильное отношение к вещи, и какие существуют версии? Целесообразно изучить накопленный опыт и вскрыть этот пласт культуры насколько возможно, так как ситуация усугубляется и нужных вещей у современного обывателя оказывается порой намного больше, чем, например, близких людей.

Прослеживая историю развития отношений человека и вещи, обнаруживаются интересные детали. Например, следуя за рассуждениями Шеппинга Д. О. – автора исследования «О древних навазах и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека» [7], первоначальный человек понимал под словом жизнь одно чисто физическое существование. Выражение живот как существование и жизнь были для него тождественны. А само слово живот означало в то же время ту часть человеческого тела, которая содержит в себе все главные органы его жизни, без которых он и жить не может. Поэтому и выражение положить живот отождествляется с понятием смерти. Положить живот очень часто отождествляется с понятием стать грудью и покончить с жизнью, то есть до определенного момента ценным у человека была только его тело отождествленное с жизнью.

При таком понимании жизни, представление о своем Я почти всегда в сознании архаического человека отождествлялось с главными органами физического существования: животом, головой, сердцем. Но если живот и голова – представители моего Я, то руки, обычно выступали как посредники между человеком и окружающими его предметами. Все, что держат и обнимают мои руки – мое. Это понимание очень четко отразилось во многих языках. Вот почему все выражения принадлежности, имущества и владения большей частью носят в первоначальном виде своем смысл физического схватывания рукою, как, например, слово держава происходит от слова держать, то есть то, что можно удержать за собою, а, например, имение от имати – брать. Таким образом, рука становится в прямой физической связи между мною и схваченным мною предметом. Владеть можно только тем, что можно удержать.

Человек в диком кочующем состоянии имел все свое добро при себе и считал своим только то, что мог унести с собою. Все, что непосредственно было с человеком связано или материально к нему привязано, или надето ассоциируется у него с представлением вещественных уз связывающих обладаемое с владельцем. Чем ценнее казался человеку предмет, тем крепче

старался он соединиться с ним, поэтому и придавал дорогим металлам определенные формы – так, можно предположить, появились первые ювелирные украшения, например, вспомним формы колец, венцов, обручей. Интересно, что на этом этапе развития человек все еще остается субъектом, потому что вещь является ценной для него, когда она находится с человеком. Таким образом, до определенного момента человек был ценен сам по себе и все свое носил с собой.

Первый дикий способ всякого приобретения демонстрирует насильственное схватывание предмета, насильственное привязывание его к себе, почему и в слове навязывать сохранился смысл насилия. В феодальной Европе в знак вызова на поединок бросали перчатку – знак схватывающей руки, а у чехов – это мог быть венец или цепь как примета того состояния, на которое присуждался побежденный. Действительно, понятия победы и плена в древности сливаются в одно с понятием рабства. Первым рабом стал тот, кто покорился врагу своему, отдался ему в плен (полон), схвачен им руками и стал в глазах победителя его собственностью. По этой причине раба, как вещественную собственность, господин стал привязывать к себе или к своей колеснице, или к коню. Отсюда и синонимичные выражения вязень или узник в значении пленника. Привязать к себе – значит победить. И до определенного момента человек и выступал как победитель и субъект. Впервые мы отмечаем, что человек может владеть не только вещью, но и другим человеком. В большей степени интерес представляет тот момент, когда сам человек незаметно оказывается в плену своих вещей.

Любовью и трудом привязывается человек к своей родной земле, к своему очагу и семейству. Таким образом, формируются кровные узы родства и узы дружбы – союзы, связи и привязанности. Общественные нужды налагают на человека всякого рода обязанности и обязательства. И вся жизнь человека, наконец, уподобляется длинной нити, по которой наши действия и предприятия являются то завязывающимися, то развязывающимися узлами, почему и сам узел приобретает символическое значение таинственной загадки неразгаданной будущности. Подобно как в вещественном связывании лица или предмета есть сторона действующая – активная (тот, кто связывает) и сторона страдательная (кто или что связывается), точно так же и в нравственных узах человека является он то действующим лицом, пользующимся крепостью этих уз, то лицом пассивным, угнетенным их тяжелым бременем. Естественно также, что при перенесении физических явлений на отвлеченные понятия самые вещественные предметы этих явлений стали для нас аллегорическими символами тех идей, которые соответствуют в мире мышления явлениям жизни материальной. Таким образом, венцы, цепи и кольца от первоначального значения оков постепенно переходят в наших глазах в олицетворение понятий царства, брака, могущества, богатства и славы.

Понятно, что в славянской культуре существенную роль в понимании отношения к вещи сыграло христианство. Осознание нового мировоззрения потребовало длительного периода, а результаты мы можем и сегодня обнаружить в творчестве многих писателей и мыслителей. Закономерно, что писатели, исследуя христианство, особое значение придавали различным формам несчастий и бедствий – болезням, нужде, глупостям человеческим. Но параллельно мыслители обращаются и к простейшим, но вместе с тем могущественнейшим феноменам бытия: существованию, времени, вечности, бренности, к кризисным этапам бытования, отягощенным скукой, усталостью, отвращением, страхом, отчаянием. Все вышеперечисленные элементы насыщены у многих отечественных мыслителей именно религиозным содержанием.

Специфическое понимание вопроса бренности бытия и привязанности к нему продемонстрировал талантливый писатель и мыслитель Николай Васильевич Гоголь. Его стремление не привязываться к чему-либо или кому-либо сначала формируется в его сознании, затем трансформируется в его жизнь, восприятие людей, событий и, наконец, в образы его произведений. В жизни это проявлялось в том, что Гоголь очень часто нуждался в деньгах, что он подолгу жил за счёт своих друзей, пользуясь их благосклонностью. Возможно, в этом его бытии просматривается нечто роднящее его с великим своим земляком Григорием Савичем Сковородой. Но каковы бы ни были мотивы Гоголя, но известно, что он практически отказывается от такого сотрудничества с какими-либо журналами, которое могло бы принести ему хотя бы какие-нибудь деньги. В этом вполне можно усмотреть идею не принадлежать никому, которая объясняется очень доходчиво И. Лествичником. Нужно отметить, что важным для религиозного развития Н.В. Гоголя явилось знакомство с «Лествицей» Иоанна Лествичника. Боговдохновенный старец в «Лествице» явил яркий пример христианской антропологии, пытаясь показать путь совершенствования человека, то есть путь достижения человеком своего первоначального состояния. Здесь представляется важным понять те препятствия, что стоят на этом пути и мешают

человеку. Препятствий таковых великое множество. Во втором слове «Лествицы» [4, с.24], где речь идёт о беспристрастии, то есть, «отложении попечений и печали о мире» автор отмечает, что самого себя нужно сделать нищим, способным принимать милостыню от других, и далее он всех пребывающих в мире и живых называет мёртвыми, так как они умерли в суете мирской.

Вне всякого сомнения, многократно подчёркивалось в исследованиях творчества Гоголя, что повесть его «Шинель» относится к категории высокохудожественной, концептуально и идейно насыщенной литературы и отношение к анализу её должно быть соответствующим. При чтении «Шинели» непозволительно допускать торопливость, а тем более завершать прочтение категорическими умозаключениями. В этой связи нельзя удержаться от соблазна привести уместное, и как нигде в ином месте приличествующее случаю высказывание В.В. Набокова: «Литературу, настоящую литературу, не стоит глотать залпом, как снадобье, полезное для сердца или ума, этого «желудка» души. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов, – тогда вы почувствуете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызть, с наслаждением перекачивая языком во рту, – тогда и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат, и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови»[2, с.23]. Действительно, пришлось много поразмышлять над «Шинелью», обратиться опять-таки к святоотеческой литературе, что и позволило обнаружить интересующие нас моменты в идейно-мировоззренческих предпосылках, приведших Гоголя к образу Акакия Акакиевича Башмачкина. Образ Башмачкина может, конечно, олицетворять некую степень ничтожества. Но самое печальное открытие, к которому приходит читатель – это момент столкновения Башмачкина с основной экзистенциальной ситуацией – ситуацией смерти. Это столкновение обнажает еще ярче всю ничтожность, пошлость и низость. Именно тогда мы видим полное непонимание и бессмысленность существования Акакия Акакиевича.

Гоголя не могло не привлечь то, что Иоанн Лествичник говорит о грехе как о свободном отпадении или отречении от Бога, об отпадении от жизни как о вольной смерти, как о своего рода самоубийстве по своеволию. Ведь, что явилось причиной греха? Человек, будучи образом Божиим был преднаправлен к своему Первообразу для достижения обожения. Человек был создан совершенным и совершенство это выразилось в способности приобщаться к Богу. Эта возвышенная способность должна была пронизать и преобразить всю тварную природу. Но вместо этого человек подчинился материальному, а человеческий ум принизился, обратившись к миру преходящего. Вместо того, чтобы следовать своей естественной расположенности к Богу; вместо того, чтобы одухотворять тело, человек сам отдался течению животной и чувственной жизни. Исходя из этого, грех состоит в удалении от Бога, то есть от жизни, а это – начало смерти. Первый грех есть предпочтение чувственного духовному. Правый путь ведет от вещественного к духовному – к Жизни. Ибо сказано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Матф. 7, 13-14].

Вот и получается, что только в человеке Абсолютное бытие могло соединиться с тварной сферой, при этом присущие тварной сфере качества и в нем сохраняют свою силу. В.В. Розанов замечает: «Граница между материальным и духовным – тот узел, где мы видим, как теряются они, но не видим как они связываются ... Человек – вот узел мироздания, его величайшая загадка, и, если бы ее удалось объяснить – совершенная разгадка этого мироздания» [5, с.21.].

Еще одна вариация писателя по поводу реалий и версий вещиизма. Удивительная диалектика бытия представлена Н.В. Гоголем и в «Мертвых душах»: Чичиков – имеет цель, ничем материальным не владея; Плюшкин – владеет значительными материальными ценностями, не имея цели. Это – крайности, которые, конечно, можно встретить не только в российской действительности. Между ними можно предположить некую градацию: иметь много и расточать много; иметь мало, а расточать много; иметь мало и расточать соответственно; иметь много, а расточать немного. Но своеобразие действительности, описываемой Гоголем в том, что она не склонно к градациям, а живёт исключительно в области экстремального.

Постоянные перемещения героев у Гоголя – это не только художественный приём, но и попытка преодолеть в движении омертвление быта. Тема бессемейного путника постепенно ассоциируется не с каким-либо героем Н.В. Гоголя, а уже с самим автором. Здесь можно провести аналогию с рассуждениями Х. Ричарда Нибура в монографии «Христос и культура» [3], который находит, что в условиях наличия двух сложных реальностей – Христа и культуры, - в сознании христианина возникает диалог. С одной стороны, Христос направляет людей к Богу, уводя

человека от всего временного и от плюрализма культуры, Христос направляет надежды людей на другой мир и освобождает их от сохранения неустойчивого общественного наследия. С другой стороны, культура обязывает людей сохранять ценности прошлого, таким образом, она отвергает Христа, заповедывающего людям положиться на благодать. То есть христианину бессмысленно строить Царство на земле, так как он знает, что оно уже существует в метамире.

При рассмотрении вопроса привязанности и брэнности бытия несколько иной аспект предлагает Н.В. Гоголь в своей повести «Тарас Бульба» (1842). Долгое время, да и сейчас ещё, этот текст воспринимается многими исследователями как произведение, в котором автор отдаёт дань героическому прошлому своей родины, своих предков. В повести есть и отрицательный герой, как это должно было бы представляться читателю. Таков Андрия, сын Тараса Бульбы. Но вот, что интересно и знаменательно, так это вложенные в уста Андрия дерзкие слова, отвергающие отца, товарищей и отчизну. Прекрасной панне, увлечённой его своей красотой, он говорит: «Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя – ты!» [1, с.106]. Конечно, это слова одного из героев повести, и они могут не иметь непосредственного отношения к разделяемым Гоголем мировоззренческим и нравственным принципам.

Но то, что Н.В. Гоголь вложил в уста Андрия Бульбы, в «Апологии сумасшедшего» год спустя вполне определённо обозначил как свою жизненную позицию и П.Я. Чаадаев: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное – это любовь к истине... Не чрез родину, а чрез истину ведёт путь на небо. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что – истина и что ложь» [6, с.140].

Комментировать высказывания и Н.В. Гоголя и П.Я. Чаадаева возможно, учитывая их приверженность к религиозным духовным ценностям. Здесь обнаруживается, что для верующего человека, если он призван ещё к тому же и к писательскому делу, возникает явное затруднение в совмещении ценностей царствия земного и Царствия Божия. Выход, конечно, есть и заключается он в примирении земного с горним. В этом плане показательна эволюция Гоголя от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к «Выбранным местам из переписки с друзьями», которые и оказываются гоголевской апологией этого примирения. А может быть, попыткой не примирения, а соответствия.

Развитие отношений человека и вещи, а шире – материального – сегодня приобретает все более мощные масштабы и до сегодня остается актуальной проблемой, и даже более чем это было ранее. Занимательная версия современности – это минимализм как мировоззрение. Особое отношение к вещам в XX веке ярко отразилось в художественном творчестве, дизайне. Шестидесятые годы XX века, например, были временем процветания в Америке. Именно тогда появились перспективы создания нового культурного пространства у Америки, но она отказалась наследовать европейскую традицию, она выбрала свой собственный путь, развивая и компилируя в себе возможные культурные формы. Таким образом, сложилось новое явление постмодернизма – это минимализм. Понятно, что, как и любая система взглядов, минимализм имеет свою предысторию и своих предшественников. Многие принципы, ассимилированные минимализмом, были известны человечеству с глубокой древности. Другие же были сформулированы недавно в рамках различных философских учений, а именно: ограждать себя от лишней информации, устранить из жизни все лишнее – вот к чему призывает философия минимализма. Смысл жизни носителя минимализма – жить качественно и полноценно, при этом, не пользуясь ничем лишним, не загружая жизнь ни лишними вещами, ни бессмысленными событиями, ни глупыми мыслями.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что взаимодействие человека с материальными ценностями, которые он сам и создал, существенно отягощают бытие человека. Существование человека сводится, в конце концов, к постоянной борьбе двух начал: духовного и материального или вечного и сиюминутного. В отношении человека к вещи можно разграничить две версии взаимодействия. Первая, когда человек выступает как сторона действующая, активная, а вещь существует как объект. Вторая версия сводится к тому, что человек может выступать как сторона страдательная, в такой ситуации вещь превращается в субъект, что чревато для дальнейшего развития культуры. Выстраивание здоровых отношений с вещью неотъемлемая составляющая жизни человечества, что демонстрирует история, и залог дальнейшего и плодотворного развития культуры.

Литература:

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т.2.: Тарас Бульба (2 ред.). – С. 39-175.
2. Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: В 5-ти т. – СПб.: Симпозиум, 1997. – Т.1. – 607 с.

3. Нибул Ричард Х. Христос и культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юристъ, 1996. – С. 7-225. – (Лики культуры).
4. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. – СПб.: Светослов, 1996. – 352 с.
5. Розанов В.В. Литературные изгнанники. – London. – 1992. – 547 с.
6. Чаадаев П.Я. Сочинения. – М.: Издательство “Правда”, 1989. – 656 с.
7. Шеппинг Д. О. Одревних навязах и наузах и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека. Мифы славянского язычества / Д.О. Шеппинг. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 301 с.

Vandyшева-Rebro Nadiya. Creation and realities of materialism: historical aspect. *In article the formation question in the history of mankind of the relation of the person as subject to things is investigated. Various versions of these relations at various stages of existence of mankind are considered: archaic consciousness, Christian anthropology, postmodernism. The mythological, Christian, scientific and post-modernist consciousness interests from the point of view of reaction of the person to a thing and the attitude towards her. The Christian and anthropological tradition is presented on the example of some works of great classic N. V. Gogol. In article that is marked out the fact that interaction of the person with material values which he and created, significantly burden life of the person. Existence of the person is reduced, eventually, to continuous fight of two beginnings: spiritual and material or eternal and momentary. Thus, the thing can exist in human life in two versions or as the object that is recognized by norm, but sometimes, unfortunately, can prove as the subject that is the awful.*

Keywords: thing, material world, Christian anthropology, impartiality, creativity, rescue, postmodernism, minimalism.

^[1] © Вандышева-Ребро Н. В., 2014.